



В здешних барах можно играть в настольный теннис и шахматы; здесь час пик в метро наступает после полуночи, а не до; бывшие вокзалы, больницы и секретные объекты времён холодной войны уже давно освоены активистами от современного искусства; здесь почти невозможно найти хороший немецкий ресторан, зато корейских, итальянских, китайских, турецких, ливанских — сколько угодно. Здесь никогда не заканчиваются блошинные рынки, на которых можно купить абсолютно всё: от значков с Лениным и Новгородским кремлём до набора немецких открыток начала XIX века. Здесь во время Берлина по улицам гуляет Билл Мюррей в нелепой шапочке, а на публичные чтения в университеты приезжает Владимир Сорокин. Уезжать из этого великолепия решительно невозможно.

Поэтому я решила и не уезжать: профессор, с которой я писала магистерскую работу, предложила остаться в центре — преподавать (если повезёт) и дальше заниматься тем, что мы, гуманитарии, привыкли называть наукой. А это значит, что ещё три года Берлину никуда от меня не деться, как и мне от него. **К**

